

Культурные и идеологические факторы регионализации

Г.А. Андриец

Нравственный и культурный облик дальневосточного офицера (конец XIX – начало XX в.)**Moral and cultural shape of the Far East officer (end XIX – beginning XX century)**

Статья посвящена проблеме нравственности и культуры офицеров дореволюционного Дальнего Востока России. Автором показано, что, несмотря на тяжелые условия жизни военнослужащих на дальневосточной окраине, истинно русский офицер всегда остается преданным своему Отечеству и никогда не теряет свой нравственный и культурный облик. Оказавшись волею судьбы на необжитой территории, офицер не только ответственно выполняет свой служебный долг, но и активно участвует в формировании культурного пространства региона.

Article is devoted a problem of morals and culture of officers of the pre-revolutionary Far East of Russia. By the author it is shown, that, despite heavy conditions of a life of military men on Far East border, truly Russian officer always remains betrayed to the Fatherland and never loses the moral and cultural shape. Having appeared as the fates decree in uninhabited territory, the officer not only responsibly fulfils the office duty, but also actively participates in formation of cultural space of region.

Профессия офицера – это особый вид человеческой деятельности, связанный с необходимостью вооруженной защиты своей страны. По мнению людей, офицер всегда представляется защитником и олицетворяет собой мужество, порядочность и честь, благородство, аккуратность и выправку. Однако некоторые офицеры своим грубым поведением и низкой культурой размывают этот образ, дают повод с неприязнью думать обо всем офицерском составе.

Исторически офицерской личности было свойственно особое отношение к нравственности и культуре, чести и бесчестию, добру и злу. Замечательный историк Н.М. Карамзин писал: "Нравственное совершенство есть дело личных усилий и личной совести отдельного человека, независимо от тех непонятных и трагических путей, которыми Провидение ведет народы, и, следовательно, совершаемое вне хода государственного развития".¹

Сегодня учеными активно изучаются различные стороны повседневной жизни не только крупных государственных и военных деятелей, но и "маленького человека", который признается полноправным субъектом исторического процесса – не как пред-

¹ Лотман Ю.М. Колумб русской истории / Сопроводительные статьи к репринтному воспроизведению издания пятого "История государства Российского" Н.М. Карамзина. М.: Книга, 1998. С. 14.

ставитель массы, класса, партии, а как человек, со свойственным только ему и именно в данный момент исторического действия образом и стилем жизни, системой ценностей. При таком условии реальное человеческое содержание истории становится и основным предметом, и "ключом", способом исторического анализа.¹ Вместе с тем, насыщение темы конкретным историческим содержанием необходимо не только в общероссийском масштабе, но и на региональном уровне. Надеемся, данная статья восполнит этот пробел.

На протяжении нескольких веков офицерский корпус в России был исключительно сословным. Но уже с XIX в. доступ в него стал открыт лицам недворянского происхождения, а также нижним чинам, имевшим определенный образовательный ценз.² Причем это нисколько не поколебало обособленного положения офицерского корпуса как особой категории лиц внутри армии и определенного сословия внутри государства.

Русскому офицеру, независимо от места прохождения его службы, предписывалось жить по преимуществу в специфическом обществе, в котором он не должен был терять свойств и качеств, привитых ему в кадетском корпусе, военном училище. В духовном, интеллектуальном отношении жизнь офицеров резко отличалась от жизни общества, состоявшего из людей самого различного воспитания, образования, моральных и политических воззрений.

Моральные устои офицеров, приезжавших служить на Дальний Восток, были выработаны и сформированы многолетним опытом служебной деятельности и практикой нравственного общения. Доминирующими нравственными чертами являлись забота о поддержании военной компетенции и воинского мастерства, высокое понятие об офицерском долге и служебной чести, гуманность, порядочность, справедливость в организации службы и взаимоуважение в коллективе.

Характер службы русского офицерства на дальневосточной территории обязывал к высокой дисциплинированности не только на службе, но и в часы отдыха. Поэтому основную роль в повседневной культурной жизни офицера вне службы стало играть Офицерское (Военное) собрание, образованное к концу XIX в. практически во всех частях квартирования войск с целью организации культурного отдыха и поддержания нравственного облика офицера в тяжелых условиях дальневосточной службы.

Офицерское или Военное (Морское) собрание – это род клуба, объединявшего офицеров какой-либо части или гарнизона. Подобного рода клубы организовывали и представители других сословных групп. Достаточно хотя бы вспомнить Дворянские и Общественные собрания.³ Во главе Офицерских собраний обычно становились командиры частей или же начальники гарнизонов. В отдельных городах Офицерское собрание объединяло офицеров

¹ К новому пониманию человека в истории: очерки развития современной западной исторической мысли. Томск, 1994. С. 191.

² ГАРФ. Ф. 678. Оп. 1. Д. 428. Л. 105-112.

³ Вежновец А.Ф., Крадин Н.П. Записки краеведов. – Хабаровск, 2000. – С. 73.

и чиновников военных ведомств местного гарнизона, поэтому чаще его называли гарнизонное Офицерское собрание.

Для облегчения суровых условий жизни военного населения Дальнего Востока были предприняты меры по нравственному и культурному воспитанию офицеров. Одна из статей Свода военных постановлений 1869 г. гласила: "Для доставления офицерам средств к взаимному сближению, для поддержки между ними товарищеских отношений, соответствующих духу и требованиям военной службы, содействия к развитию в среде их военного образования и для развлечений в свободное от службы время и удешевления жизни, в отдельных частях войск состоят Офицерские собрания".¹

Согласно уставу целью собраний было: "а) предоставить обществу офицеров всех частей войск, штабов управлений и заведений средства для взаимного сближения его членов и поддержать между ними правильные товарищеские, соответственные духу и требованиям военной службы, отношения; б) содействовать развитию в среде их специального, необходимого для службы образования; в) доставить как офицерам и чиновникам военного ведомства, так и их семействам развлечение в свободное от службы время и г) удешевить жизнь офицеров и чиновников военного ведомства".²

При собрании имелись библиотека, столовая, бильярд; были устроены гимнастический, фехтовальный залы, стрельбище. Военнослужащие первые десять лет существования собрания ограничивались чтением книг и играми, которые были доступны каждый вечер. Однако азартные игры строго воспрещались, были разрешены лишь дозволенные законом: бильярд, домино, кегли. Из карточных игр допускались только коммерческие, причем за наличные деньги. Офицерское собрание спланировало проведение досуга. Семьи офицеров полка, особенно стоящего в небольшом городе, были знакомы друг с другом, и Военное собрание являлось естественным и удобным местом их встреч, избавляя от необходимости устраивать слишком частые домашние приемы и званые обеды, которые и так были в обычае. Общение в Офицерском собрании облегчало и проблему знакомств (зачастую офицеры женились на дочерях и сестрах своих сослуживцев).

В Военном собрании дежурные офицеры каждый вечер следили за соблюдением всеми присутствующими строгой дисциплины и порядка. Ведь одним из важнейших требований, предъявлявшихся к офицерам, было "соблюдать в строгости воинскую дисциплину и самому служить в том примером для подчиненных".³ Личная недисциплинированность офицера предусматривала различные меры ответственности, при определении которых необходимо было учесть свойство проступка, обстоятельства, ко-

¹ Свод военных постановлений 1869 г. Кн. 5. Устройство и состав войск и управление ими. СПб., 1891. Ст. 9.

² РГИА ДВ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 1016. Л. 5.

³ Положение об управлении полком // Приказ по военному ведомству. 1882. № 14. С. 54.

торами он сопровождался, и прежнее поведение виновного. Многие наказания для военных были достаточно суровы. Так, Приказ коменданта крепости Владивосток № 62 от 12 марта 1891 г. гласил: "Прикомандированный к 2-му Западно-Сибирскому линейному батальону подпоручик Никифоров, подавший рапорт о болезни, позволил себе явиться в Военное собрание, где в нетрезвом виде произвел беспорядок и шум. За такое поведение подпоручика Никифорова предписываю арестовать на один месяц на Главной Гауптвахте".¹

Посещение военного собрания было одной из основных форм времяпрепровождения офицера и его семьи. Помимо этого во многих офицерских семьях устраивались еженедельные вечера ("среды" или "четверги"), на которые приглашались ближайшие друзья из сослуживцев по полку и их родные. По праздничным или выходным дням давались балы и званые обеды командиром полка с приглашением всех офицеров части.

Одной из важных функций балов, как и других форм культурной жизни офицерства, было сплочение чиновничьего общества. Чинопочитание, которое вообще было характерно для старой России, проявлялось здесь с особой силой. Однако можно отметить и положительную сторону данного явления: общение с людьми, недавно прибывшими из столицы, обогащало культурный досуг новыми развлечениями. Например, бал для хабаровского общества и депутатов с мест в честь знакомства с Приамурским генерал-губернатором бароном А.Н. Корфом (октябрь 1884 г.), организованный по высшему разряду, привел в смущение гостей, поскольку многие блюда на столах были неизвестны даже местным гурманам. При переходе к танцевальной части бала, которую открыли барон Корф с супругой Софьей Алексеевной, выяснилось, что на Амуре не имеют представления о танцах, принятых в Петербурге и европейских странах. "Барон дружески пожурил общество за подобное невежество и показал наиболее простые фигуры модного краковяка".²

Обязательным элементом празднования знаменательных дат стало проведение концертов с привлечением выдающихся исполнителей. Например, в 1901 г. в "высокоторжественный день восшествия на Престол Государя Императора" в Военном собрании г. Хабаровска для высших воинских чинов прошел танцевальный вечер, перед началом которого выступила известная певица, бывшая артистка императорской оперы Л.Ф. Бакмансон.³

Местные праздники являлись культурным новообразованием в жизни российской провинции. К ним относились, в частности, дни посещения города "высочайшей особой". Среди первых таких визитов надо назвать прибытие во Владивосток на фрегате "Светлана" Великого Князя Алексея Александровича (1873 г.). Известно, что "высокий гость" охотился в окрестностях города, встречался с представителями местного купечества, призывая их

¹ РГИА ДВ. Ф. 28. Оп. 1. Д. 151. Л. 60.

² Востриков Л.А., Востоков З.В. Хабаровск и хабаровчане: Очерки о прошлом. Хабаровск, 1991. С. 51.

³ Приамурские ведомости. 1901. 21 октября. С. 5.

к самодеятельности, а также предложил учредить музей, для чего оставил привезенные сюда "некоторые коллекции".¹ В память об этом визите центральная улица Владивостока была переименована из Американской в Светланскую. Далее Алексей Александрович отправился сухим путем через Сибирь. Посещение Хабаровска представителем правящей династии ознаменовалось первой в этом городе иллюминацией: на фасаде дома купцов Плюсниных светились буквы А.Х.П. – Алексей Хабаровку посетил. Впоследствии именем Великого Князя были названы одна из улиц и женская гимназия.²

Приезд "важных" гостей в дальневосточные города непременно сопровождался торжественной воинской церемонией встречи или парадом войск. Дальнейший ход официальных праздников протекал почти всегда неизменно. Участие в последующих за праздничным богослужением и военным парадом мероприятиях для каждого жителя было обусловлено его социальным статусом. Для высшего чиновничества давались торжественные обеды, ужины. В целях укрепления верноподданнических чувств был регламентирован порядок провозглашения тостов на таких обедах. Первой звучала здравица в честь Государя Императора, затем провозглашались тосты за здоровье руководителей региональной администрации в строгом соответствии с иерархией присутствующих. Вечером устраивались балы, а иногда маскарады.

При проведении подобных торжеств существовал определенный регламент, единый для страны. Организация официальной церемонии на местах поручалась высшим чиновникам. Начинался любой государственный праздник в соборе, где все горожане во главе с представителями властных структур обязаны были молиться за царя. Важнейшей частью многих мероприятий были воинские парады. Они устраивались по "царским дням", в честь военных побед русских войск и в дни других общегосударственных и местных праздников. Посмотреть на торжественный марш солдат и офицеров под оркестровую музыку собирался весь народ.

Отметим, что воинские парады и церемонии были в то время одним из любимых развлечений как простого народа, так и "высшего общества". В XIX в. увлечение воинским церемониалом было обусловлено рядом факторов: высокой оценкой общественным мнением воинской службы, успехами русской армии в ряде войн. К этому надо добавить красочность и четкость воинских церемоний, а также недостаток иных зрелищ.

Парады всегда придавали праздникам определенную торжественность, чувствовалась воинская выправка и тщательная подготовка офицеров к шествию, о чем свидетельствовали приказы по войскам гарнизона. Например, по Приказу коменданта Владивостокской крепости № 41 от 22 февраля 1891 г. по случаю празднования 26 февраля "Высокоторжественного дня рождения

¹ Матвеев Н.П. Краткий исторический очерк г. Владивостока. Владивосток, 1990. С. 86.

² Вежновец А.Ф., Крадин Н.П. Записки краеведов. Хабаровск. С. 36, 250.

Его Императорского Величества Государя Императора Александра Александровича, на площади Городского Успенского Собора" был назначен церковный парад, для которого приказано "вывести в строй от всех частей войск по одному взводу в 12-ти рядном составе, без ружей, при офицере и хоре музыки от 2-го Западно-Сибирского Линейного батальона. Парадом командовать 5-го Восточно-Сибирского Линейного батальона Подполковнику Чернявскому. Артиллерии ровно в 12 часов по полудни произвести салют в 31 выстрел. Форма одежды парадная, шинели в рукава".¹

Служебно-профессиональный облик русского офицера в целом был достоин уважения. Он не имел права гнаться за богатством, не имел права располагать собою, потому что его "для пользы службы" переводили из одного конца России в другой. Офицер не имел права на беззаботный отдых после повседневного труда: в любой день – в будни или праздники, в любой час дня и ночи его могли вызвать для несения наряда, для спешной командировки, для выступления с воинской частью в целях прекращения беспорядков и т.п. Он всегда был готов выполнять свой офицерский долг.

Одной из отличительных черт русского офицерства было почитание и уважение старших начальников. Чинопочитание обязывало всех офицеров взаимно соблюдать внешние формы субординации и вежливости, установленные в армии. Правила воинского чинопочитания были обязательны и для всех военнослужащих Дальнего Востока: генералов, штаб- и обер-офицеров и нижних чинов, в каком бы ведомстве или управлении они ни состояли на службе, а равно для чинов запаса армии во время ношения ими военной одежды. Отдание воинской чести при встрече младших со старшими должно было предшествовать всякому другому роду приветствия, в каких бы личных отношениях ни находились встречающиеся. Данный порядок соблюдался и на отдыхе военнослужащего в Военном собрании, в стенах которого офицер должен сохранять свой культурный облик. Не случайно, в Офицерских собраниях были отменены маскарады, предполагавшие переодевание военных в другие костюмы.

Глубоко осознавая свой долг, офицеры с уважением относились к правилам офицерской этики. Воинский этикет требовал от каждого офицера соблюдать все обязанности почтения и вежливости, быть всегда по форме одетым.² Форма служила особым знаковым признаком сословной принадлежности. Культ чести мундира был священен для всех офицеров, всегда выделявшихся в обществе безупречным, щеголеватым видом. Постоянная забота о чести мундира, показывавшего принадлежность к тому или иному роду войск, была неотделима от обязанностей свято блюсти его славные традиции, хранить честь знамени своего полка, его боевую репутацию. Мундир нужно было носить так, чтобы ничто не бросало тень на родной полк. Надевший мундир офицера пе-

¹ РГИА ДВ. Ф. 28. Оп. 1. Д. 151. Л. 39.

² Свод правил воинского чинопочитания и отдания воинской чести / Составлено согласно "Воинскому уставу о гарнизонной службе". Изд. 1874 г. СПб., 1891. С. 2.

реставал располагать собою по собственному усмотрению и подчинял свою жизнь точно регламентированному порядку.

Дальневосточные приказы по военному ведомству неоднократно напоминали об обязательности форменной одежды у военнослужащих на любительских спектаклях, музыкальных или семейных вечерах, концертах. Например, Приказ по войскам гарнизона Владивостокской крепости № 136 от 18 мая 1891 г. объявлял "Форма одежды для лиц военно-сухопутного ведомства на музыкальном вечере в Морском собрании, назначенном на 19 мая, сюртук с погонами..."¹ Для торжественных мероприятий на праздниках офицеры надевали парадную форму одежды с эполетами. Но старинное воинское изречение гласит: "Эполеты офицера сверкают всего ярче в блеске его обаяния". Обаяние лучших представителей дальневосточного офицерского гарнизона складывалось из справедливости и самодисциплины, умения командовать с достоинством и без чванства, сердечности без фамильярности, отсутствия мелочности и заносчивости, жизнерадостности и некоторой лихости, идеальной честности, истинно товарищеского духа, спокойной отваги, находчивости и храбрости. Конечно, не все офицеры, служившие на Дальнем Востоке, соответствовали этим требованиям, но те, кто их осознавал, старались сформировать культурное пространство дальневосточного региона, чтобы не потерять свой нравственный облик.

Поэтому танцевальные семейные вечера, любительские спектакли и концерты, организованные группой наиболее активных офицеров, в какой-то степени компенсировали ограниченность культурных развлечений военных в провинции. Вообще отдых офицера на периферии был тесно связан с жизнью местного "общества", естественными членами которого они по своему существу являлись.²

Не случайно появление в городах Дальнего Востока первых крупных научно-исследовательских организаций, отделов Русского географического общества и музеев связано с именами генерал-губернаторов и военных губернаторов. Нередко в качестве исследователей выступали сами управленцы в погонах (И.П. Надаров, Н.И. Гродеков, П.Ф. Унтербергер, Д.В. Путята, Д.И. Субботич и др.). Активно сотрудничали с местными отделами Географического и Технического обществ офицеры П.А. Кропоткин, М.И. Венюков, В.К. Арсеньев, А.Г. Лубенцов, Н.Д. Кузьмин, А.П. Сильницкий и др. В 1900 г. среди 28 учредителей Владивостокского "Общества поощрения изящных искусств" половина была офицерами, а в 1903 г. среди 73 членов "Южно-Уссурийского общества любителей садоводства и огородничества" офицером был каждый четвертый.³ Хабаровское "Общество любителей фотографии" возглавлял капитан Генерального штаба М.А. Соковнин, а "Общество вспомоществования нуждающимся учащимся" – полковник С.Н. Ванков, в 1906-1907 гг. казначеем Владивостокского

¹ РГИА ДВ. Ф. 28. Оп. 1. Д. 151. Л. 125а.

² Волков С.В. Русский офицерский корпус. М., 2003. С. 274-275.

³ РГИА ДВ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 1634. Л. 9об-10; Никольск-Уссурийский: страницы истории. Документы и материалы. Владивосток, 2003. С. 91-93.

благотворительного общества был капитан Г.А. Ермолаев, а секретарем – подполковник А.Д. Дабовский.¹

Многим офицерам на проведение культурного отдыха не хватало средств. Посещение Военного собрания было бесплатным, но всегда предполагался расход карманных денег и молодой офицер поэтому не часто мог доставить себе удовольствие побывать в нем. Общественное городское собрание посещалось совсем редко, так как требовалась рекомендация гражданских членов заведения, а знакомств в этой среде у военных было немного.²

Атмосфера, в которой приходилось жить большинству армейских офицеров, мало содействовала смягчению их нравов и умственному развитию. Разбросанные чуть ли не поодиночке по разным селениям, они на протяжении целого года были практически лишены всякого общества и зачастую вынуждены были жить в одной избе с крестьянами, не видя по целым месяцам никого, кроме унтер-офицеров и местных старост. Познавший на себе все тяготы службы в отдаленных гарнизонах, Приамурский генерал-губернатор П.Ф. Унтербергер писал: "Жизнь в глухой тайге, убогое помещение, скудная однообразная пища, отсутствие самого скромного комфорта – вот с чем приходилось мириться офицерским семьям, заброшенным за десяток тысяч верст от родных и знакомых и обреченным обыкновенно на много лет жизни на такие условия и такую обстановку".³ Только по-настоящему сильные духом и высоконравственные офицеры могли достойно держаться и жить в таких условиях, находя для себя культурные занятия в свободное от службы время.

Подготовка офицеров, начиная с кадетского корпуса, заключалась, прежде всего, в благоразумном их поведении и строгой дисциплине, уважении к людям. Военнослужащего подводили к мысли о том, что жизнь его в обществе бросает блеск или тень не только на него, но и на честь его полка. Существовал целый свод (зачастую неписаных) правил поведения офицера на службе, в Офицерском собрании, в быту, с товарищами, в кругу семьи и т.д.⁴ Он не имел права принимать участие в уличной ссоре, появляться на людях в нетрезвом виде. Благоразумным считалось уклониться от скандала в публичном месте. Но когда дело касалось нападения или публичного оскорбления, то здесь вступал в силу кодекс чести и офицер обязан был защитить себя и честь своего мундира.

Многие военные, чтобы избежать конфликтных ситуаций с пьяными сослуживцами и избавиться от скуки, прибегали к чтению книг. Войсковые библиотеки испытывали определенные трудности. Ежегодное пополнение новыми изданиями затруднялось отдаленностью региона от центра России и дороговизной пересылки выписываемых книг, что замедляло создание библиотек

¹ РГИА ДВ. Ф. 28. Оп. 1. Д. 321. Ч. 1. Л. 280об.-282об.

² Шапошников Б.М. Воспоминания. Военно-научные труды. М., 1974. С. 108.

³ Унтербергер П.Ф. Приморская область. 1856-1898. СПб., 1900. С. 251.

⁴ Бутовский Н.Д. Очерки современного офицерского быта. СПб., 1899. С. 11; Галкин М.С. Новый путь современного офицера. СПб., 1907. С. 22.

во вновь сформированных частях. Существующие библиотеки при Военных собраниях не отвечали своему назначению. В 1894 г. Главным Штабом была оказана помощь несколькими тысячами томов различных сочинений (военных, беллетристических и по различным отраслям знаний), которые были распределены в соответствии с потребностью по войсковым частям. Существенным дополнением к библиотеке Хабаровского Военного собрания была, например, Николаевская публичная библиотека, обладавшая 20000 томов различных сочинений и являвшаяся вполне окрепшим учреждением.¹

Военные собрания с библиотеками были необходимы, прежде всего, там, где "глуше захолустье", так как здесь чтение было единственным развлечением. Однако библиотечное дело на Дальнем Востоке оставляло желать лучшего. Командующий Приамурским военным округом генерал-лейтенант С.М. Духовской по этому поводу отмечал: "Заботы высшего начальства о пополнении войсковых библиотек в далеких округах, где книга является часто единственным развлечением для офицера, должны быть поддерживаемы заботливостью начальства и самого общества офицеров о сохранении этих библиотек в порядке и полноте. Между тем, назначенная мною ревизия одной из таких библиотек показала, что в этом направлении не было приложено никакого попечения: книги пропадают и не пополняются, правила пользования библиотекой не исполняются, хранение книг беспорядочное".²

Тяжелое положение дел зачастую решалось плотным служебным графиком офицера, в котором практически не оставалось свободного времени для отдыха. Помимо обычных тактических занятий для офицеров во всех Гарнизонных собраниях устраивались чтения и сообщения на темы по различным отраслям военного дела, гигиены, истории сопредельных стран и проч. Особенно интересным был ряд чтений в Хабаровском Военном собрании. В течение 7 месяцев в году они проводились по 2 раза в неделю. Некоторые сообщения, разработанные обстоятельно и представлявшие живой интерес, были напечатаны и разосланы во все воинские подразделения. Большим успехом не только в Хабаровске, но и во всем округе пользовались доклады Приамурского отдела Императорского русского географического общества (ПОИРГО), затрагивавшие всевозможные вопросы. Темы по истории, географии края, его сельскохозяйственному и торгово-промышленному развитию имели практическое значение, так как раскрывали настоящее и будущее региона, показывали его значение в жизни страны.³

Тяжелые условия жизни офицеров на Дальнем Востоке усугублялись небывалой дороговизной товаров первой необходимости. Поэтому там, где предоставлялась возможность для удешевления цен на необходимые в солдатском быту вещи, устраива-

¹ РГВИА Ф.1. Оп. 2. Д. 866. Л. 21.

² Приказы по войскам Приамурского военного округа за 1894 г. // ГАХК. НСБ. 16 нояб.

³ РГВИА Ф.1. Оп. 2. Д. 868. Л. 7-8.

лись при частях солдатские лавочки. Для уменьшения проступков среди нижних чинов с ними велась культурно-просветительская работа: проводились чтения, развлекательные игры, солдатские спектакли, а в целях отвлечения военнослужащих от посещения трактиров и питейных заведений организовывались солдатские чайные.¹

Многочисленные трудности дальневосточной жизни сказывались на внешнем облике офицеров. Так, супруга Приамурского генерал-губернатора С.М. Духовского урожденная княгиня В.Ф. Голицына на одном из официальных приемов дала некоему полковнику 80 лет. Каково же было ее удивление, когда выяснилось, что этому офицеру было всего сорок пять.²

Неотъемлемой частью службы в городах юга Дальнего Востока России в рассматриваемый период было обязательное участие всех офицеров в воинских церемониях и общегородских празднествах, что способствовало воспитанию нравственности и духовности у военнослужащих. Особенно памятными становились даты, связанные со страницами дальневосточной истории. Например, празднование в Хабаровске 1 августа 1900 г. 50-летия водружения русского флага в устье Амура, как писали газеты, прошло особенно интересно. В присутствии властей, множества народа, "инвалидов муравьевских времен было отслужено благодарственное Господу Богу молебствие, после которого, согласно церковному уставу, состоялся крестный ход на р. Амур, где было совершено водоосвящение, по окончании которого церковная процессия проследовала в городской сад к памятнику графа Муравьева-Амурского, у которого была совершена краткая лития и провозглашена вечная память славному амурскому деятелю, боярину Николаю".³ В Военном собрании, украшенном флагами, портретами Н.Н. Муравьева и Г.И. Невельского, состоялось торжественное заседание Приамурского отдела Императорского русского географического общества.

Не менее торжественно прошло в мае 1908 г. во Владивостоке празднование 50-летия заключения Айгунского договора. Одновременно состоялось открытие памятника герою петропавловской обороны 1854 г. адмиралу Завойко.⁴ В Хабаровске 50-летие подписания Айгунского трактата отмечалось на протяжении двух дней. Здания украшались флагами, коврами, разноцветными фонариками, зеленью. Центр города иллюминировали. В торжественном богослужении принял участие объединенный хор любителей и соборных певчих. Возле собора выстроились войска, под звуки марша прибыла пожарная дружина, за нею следовала казачья депутация с атаманскими булавами. Центром праздника стал крестный ход к памятнику Н.Н. Муравьеву-Амурскому. К полудню торжества переместились в Военное собрание. На сцене в окружении флагов и зелени были установлены портреты Н.Н. Муравьева-Амурского – в центре, Г.И. Невельского и А.Н. Корфа

¹ Там же. Д. 865. Л. 14. Д. 867. Л. 10.

² Духовская В.Ф. Из моих воспоминаний. Б.м., б.г. С. 26.

³ Приамурские ведомости. 1900. 6 августа. С. 7-8.

⁴ Матвеев Н.П. Краткий исторический очерк г. Владивостока. С. 285, 291.

– по бокам. После официальных поздравительных речей состоялся концерт, на котором прозвучала специально написанная к торжествам историческая кантата.¹

Офицеры в дальневосточных городах, как и по всей России, отмечали военные праздники – юбилеи, посвященные важным событиям военной истории или выдающимся полководцам. Например, в 1900 г. торжественно праздновалось 170-летие со дня рождения великого русского полководца А.В. Суворова. В 1909 г. отмечалось 200-летие Полтавской битвы, а в 1911 г. во Владивостоке военный флот праздновал день морской победы Петра I над шведами при Гангуте в 1714 г. Стоявшие на рейде военные суда, включая германские и итальянские, были украшены флагами и произвели салют из пушек.² В 1912 г. во Владивостоке прошел грандиозный парад войск по случаю 100-летнего юбилея Отечественной войны 1812 г.³

В культуру поведения офицеров непременно входила пунктуальность, которая отрабатывалась каждый раз на военно-тактических занятиях или праздничных парадах. "Нужно в мирное время, – писал М.И. Драгомиров, – приучить никуда не торопиться и никуда не опаздывать; в военное время поздно усваивать эту привычку".⁴

Таким образом, нравственный и культурный облик дальневосточного офицера в конце XIX – начале XX в., несмотря на суровые условия жизни, оторванность от внешнего мира, отсутствие элементарных удобств и однообразие жизни, характеризовался высоким пониманием воинского долга и чести, любовью к военной профессии, уважением к воинским ритуалам и полковым праздникам, товариществом и взаимовыручкой в офицерской среде, готовностью прийти на помощь сослуживцу в бою и военных буднях. Культурно-просветительская деятельность целого ряда передовых офицеров в подобных условиях выглядела настоящим подвижничеством. Поэтому они по праву заняли почетное место в одном ряду с плеядой блестящих государственных деятелей России на Дальнем Востоке.

¹ Приамурье. 1908. № 547.

² Уссурийская окраина. 1911, 30 июля. С. 2.

³ РГИА ДВ. Ф. 159. Оп. 1. Д. 11. Л. 230.

⁴ Драгомиров М.И. Вопросы воспитания и обучения войск. М., 1956. С. 281.